

С Новым годом, дружба!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

С-162 778

Год издания 31-й
№ 1 (4126)

Пятница, 1 января 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

В новогоднем номере:

- ★ Новогоднее поздравление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.
- ★ М. Шолохов. «День в Гремячем Логу» — глава из «Поднятой целины».
- ★ И. Эренбург. «О Луне, о Земле, о сердце».
- ★ А. Яшин о Герое Социалистического Труда Сугатове.
- ★ Стихи Н. Асеева, М. Турсун-заде.
- ★ Академик Л. Арцимович о будущем физики.
- ★ Шон О'Кейси комментирует события 1959 года.
- ★ «Литературная газета» в... 1960 году.

СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Новогоднее поздравление Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР

Дорогие товарищи! Рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, наша народная интеллигенция, воины Советских Вооруженных Сил, замечательная советская молодежь, все трудящиеся нашей социалистической Родины!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР горячо и сердечно поздравляют Вас с наступающим Новым годом.

Страницей немеркнувшей славы и выдающихся побед советского народа в борьбе за коммунизм войдет в историю нашей страны удающийся 1959 год. В начале года наша партия на своем внеочередном XXI съезде наметила величественную программу развернутого строительства коммунизма, важнейшей частью которой является семилетний план развития народного хозяйства СССР.

Сегодня каждый советский человек с чувством гордости за свою советскую Родину может сказать, что эта программа успешно выполняется. В результате вложенного творческого труда рабочих и работниц, инженеров и техников план первого года семилетки в области промышленности перевыполнен. Социалистическая индустрия дала на десятки миллиардов рублей сверхплановой продукции.

Замечательными успехами отмечен труд колхозников и колхозниц, рабочих и работниц совхозов, специалистов сельского хозяйства и всех тружеников советской деревни. Несмотря на засуху в ряде крупных зерновых районов страны, в минувшем году собрано и заготовлено достаточно хлеба для полного обеспечения нужд нашей страны. Высокими темпами развивается общественное животноводство. Наша страна в 1959 году произвела молока больше, чем США, и обогнала Америку по производству масла на душу населения.

Новыми величайшими открытиями и исследованиями обогатила человечество наша естественная наука и техника. Гением и творческим трудом советских ученых, инженеров, конструкторов и рабочих вписана новая славная страница в историю познания Вселенной — советская космическая ракета достигла Луны, а советская межпланетная космическая лаборатория сфотографировала ее невидимую сторону. Создан и вступил в состав советского флота первый в мире атомный ледокол «Ленин», все более широко используется в нашей стране энергия атома в мирных целях, на благо человечества. Успешно претворяется в жизнь намеченная партией программа технического прогресса.

Успехи в развитии социалистической индустрии, сельского хозяйства, науки и техники послужили основой дальнейшего роста материального благосостояния и культурного уровня нашего народа.

Минувший год ознаменован радостными переменами на международной арене. Значительно выросла экономика социалистических стран и еще более упрочилось их братское сотрудничество.

Все миролюбивые народы горячо приветствовали Советский Союз за его инициативу в деле смягчения международной напряженности. Выдающимся вкладом в это благородное дело явился исторический визит Н. С. Хрущева в США, его выступления перед американским народом и в Организации Объединенных Наций. Благодаря усилиям Советского Союза и других социалистических стран, а также всех миролюбивых сил улучшилась международная обстановка, что вселило в сердца народов надежду на упрочение мира во всем мире.

Мы проводим 1959 год гордые сознанием того, что он еще выше поднял экономическое могущество Советского Союза, материальное благосостояние нашего народа, еще больше упрочил братское сотрудничество всех социалистических стран и еще выше поднял международный авторитет Советского государства.

Дорогие соотечественники! В полном расцвете сил вступает наша страна в 1960 год — второй год семилетки. Утвержденный Верховным Советом СССР государственный план развития народного хозяйства СССР открывает перед нами радостную перспективу нового могучего роста производительных сил страны, расцвета многонациональной культуры народов СССР.

Состоявшийся на рубеже старого и нового года декабрьский Пленум Центрального Комитета нашей партии разработал широкую программу дальнейшего подъема социалистического сельского хозяйства, выполнение которой сделает еще более радостной жизнь советских людей.

Коммунистическая партия и Советское правительство в Новом году, как и прежде, будут настойчиво и последовательно вести борьбу за новые успехи в развитии народного хозяйства, за повышение благосостояния советских людей, за упрочение мира и дружбы между народами.

Пусть и впредь растет, крепнет и процветает наша великая Родина — Союз Советских Социалистических Республик! Пусть растут и множатся творческие усилия рабочих, колхозников, интеллигенции, всех трудящихся нашей страны в борьбе за успешное выполнение плана второго года семилетки!

Пусть растет и крепнет братский союз и дружба народов всех социалистических стран во имя торжества дела мира, демократии и социализма! Да здравствует великое единство партии, правительства и народа — залог победы коммунизма в нашей стране!

Желаем Вам, дорогие соотечественники, доброго здоровья, личного счастья и больших успехов во всей Вашей жизни и в благородной деятельности на благо Родины, во имя торжества коммунизма.

С Новым годом, дорогие друзья, с новым счастьем!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС   ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР   СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Становление характера

К СТОЛЕТИЮ города Владивостока решено издать серию популярных брошюр о героях труда в Приморье. Мне предложили принять участие в этой интересной работе, я согласился и остановил свой выбор на Федоре Изотовиче Сугатове, кузнеце первореченского вагонного депо. Летом минувшего года ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Почему именно я решил писать о нем? Прежде всего потому, что профессия кузнеца для меня в какой-то степени близка и понятна с детства. Кузнецам, — правда, сельскими — были мои родичи: дед, отец, дядя. Сам я помаленьку тоже начинал учиться этому ремеслу, часто бывал в кузнице и умел, по крайней мере, качать рычаг кожаного меха, как лопушку.

Это обстоятельство немаловажно, если относиться к книжке о герое-кузнеце как к подлинному творчеству: тут чем больше будет личных мотивов и ассоциаций, тем вероятнее успех.

Немалое значение могли иметь также первые впечатления при встрече со своим будущим героем. К счастью и к удовольствию моему, они оказались весьма благоприятными.

Сначала я увидел его в кузнице депо, за работой. Там, конечно, разговоривать долго не пришлось. Подручный кузнеца носил из горна и пневматическому молоту раскаленные цилиндрические заготовки, из которых Федор Сугатов выковывал фляжки для вагонных отопительных батарей, похожие на круглые поджаренные лепешки. Делал он это без суеты, словно бы негорлопидно, так что на первый взгляд движения его казались даже замедленными. Но это были размеренные, точные

Александр ЯШИН

движения большого мастера. Спрашиваю его: — Все сможете выковать или не все? — Да, пожалуй, все приходится, что здесь требуется. Но попадай я отсюда в простую колхозную кузницу — и ничего не смогу: ни лошадей подковать, ни телегу оковать, ни плуга, ни какой-нибудь полевой машины испривать — ничего не смогу. Специализация!

Мы условились о встрече после работы, и Федор Изотович пришел в вагон выездной редакции «Литературной газеты» в точно назначенный час — минута в минуту.

Рассказывал о себе он живо и непринужденно, я бы сказал, живописно, талантливо. Он сибиряк по рождению, и жизнь никогда особенно его не баловала, а все-таки не было в нем ничего от этих залитературенных угрюмых и неразговорчивых сибиряков. Сначала — все о родителях, все, что зналось и вспоминалось, с почитанием — об отце, батраке, который через ополучную школу пришел к открытой поддержке большевиков в годы интервенции в Сибирь. Затем о себе — о своем детстве, о юности, о тяжелой, малой обиде и унижении, ставшей потом его верной подружкой на всю жизнь.

Чем дальше рассказывал Федор Изотович, тем интереснее было его слушать. Все создавало атмосферу творческой увлеченности, или, как говорят, вдохновения, без чего нельзя приступать ни к какой серьезной работе.

Я решил, что не ошибся: эту книжку я буду писать, я хочу ее писать, хочу рассказать о жизни и о работе уже любимого мне человека так, чтобы поучительно было и читалось бы с интересом.

Но решить — еще мало. Чтобы суметь написать интересно и поучительно, надо определить, и прежде всего для самого себя, что же главное в жизни героя, чем она поучительна и показательна для других, особенно для молодых людей, чем типична для нашего времени. Если этого главного не уяснить с самого начала, то, пожалуй, и не сумеешь разобратся в ворохе житейских фактов и мелочей, не вырваться из плена простого, пусть даже занимательного жизнеописания.

И вот тут-то и начинается для писателя первое серьезное испытание. Он должен не только понять, но и почувствовать человека, его душу и как бы подвести под один общий знаменатель все решающие моменты его биографии.

Иными словами, надо в каждом внешнем событии найти его внутреннюю сущность, нащупать зерно, и это будет ключом к пониманию и осмыслению самого человека.

Вот вкратце некоторые факты из биографии Федора Изотовича Сугатова.

Сельский мирской паствух полюбил девушку из очень почитаемого семейства, из крепкого дома. Другой невесты он для себя не мыслит. Девушка Толя тоже полюбила его. Прошло много лет, настало время для женитьбы, но родители невесты не захотели признать его своим зятем. А Толя не могла решиться пойти против воли родителей, — старые моральные и религиозные устои были еще в силе, хотя шел уже 1929 год. Большой выдержки потребовала от Федора эта борьба за право жениться на девушке, которая по сердцу. И все-таки он не отступил и победил. Антонина Кузьминична согласилась, наконец, выйти за него «убежом». Федор привел ее в свой дом поздно ночью, прямо с гулянья.

— Мама, я тебе сноху привел.

ЗДРАВЦА

Провозглашаем—Новый год!
Но совершенно новый!!
Часов какой-то новый ход — не хмурый, не суровый!

Каких-то новых слов раскат, правдивых, добрых, нежных. Каких-то славных дел охват, внутренних и внешних.

Чтоб новых множество детей среди множества растений и новых радостных затей и изобретений!

И много новых ртов питат: гордятся и улыбаются, и много добрых книг читат, в ночь, не отрываясь.

Расти, высокая Москва, в музее сдав старинку, расти — себе сама нова — и всем гостям в новинку. Ведь новых дней солнцеворот

пошел светить на лето, чтоб рассиялся Новый год могучей силой света.

Чтоб он блистал, чтоб он сверкал весельем и отвагой, как этот поднятый бокал с мерцающею влагой!!!

Николай АСЕЕВ

Рисунок А. ШУЛЬЦА

Мчится тройка,
Тройка-слава
По дороге неземной:
Спутник — слева,
Спутник — справа,
Третий спутник — коренной.
И глядишь ей вслед, не зная,
Где тут сказка,
Где тут был.

Пыль клубится не земная,
А космическая пыль,
И влетает тройка с ходу,
Как в ворота, в Новый год.
Слава нашего народа,
Сила нашего народа,
Разум нашего народа
И его орлиный взлет.

Юрий ЯКОВЛЕВ

ВРУЧЕНИЕ МЕДАЛЕЙ «ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ»

31 декабря, в канун Нового года, в Кремле, Президент Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов вручил медали «За трудовую доблесть» члену Президиума ЦК КПСС, Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР, Председателю Бюро ЦК КПСС по РСФСР Н. С. Хрущеву, члену Президиума ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС Н. Г. Игнатову, члену Президиума ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС, заместителю Председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А. Б. Аристову, Председателю Совета Министров РСФСР Д. С. Полянскому, министру сельского хозяйства СССР В. В. Макинчу, директору Научно-исследовательского института генетики Академии наук СССР Т. Д. Лысенко, заведующему сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС по союзным республикам Т. А. Денисову, заведующему сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС по РСФСР Г. И. Воробьеву, заведующему Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР М. Т. Ефремову, помощнику секретаря ЦК КПСС А. С. Шевченко, первому секретарю Московского областного Комитета КПСС П. Н. Демичеву, председателю исполкома Московского областного Совета депутатов трудящихся В. И. Ванопону и почетному академику ВАСХНИЛ, заведующему кафедрой овощеводства Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева В. И. Эдельштейну.

Указ о награждении читал секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

Вручая медаль «За трудовую доблесть» товарищу Хрущеву Н. С., К. Е. Ворошилов горячо и сердечно поздравляет его с получением высокой награды.

Принимая медаль, Никита Сергеевич Хрущев от всей души благодарит Коммунистическую партию и Президиум Верховного Совета СССР за почетную награду, которую он будет носить с большим достоинством. Далее Н. С. Хрущев сказал, что он по-прежнему будет отдавать все свои силы служению советскому народу и великому делу построения коммунизма в нашей стране.

Со словами приветствия К. Е. Ворошилов обращается к товарищам Игнатову Н. Г., Аристову А. Б. и Полянскому Д. С., отмечая их большую организаторскую работу по мобилизации трудящихся нашей страны на выполнение взятых ими социалистических обязательств по дальнейшему подъему сельского хозяйства.

Вручая награды товарищам Макинчу В. В., Лысенко Т. Д., Денисову Г. А., Воробьеву Г. И., Ефремову М. Т., Шевченко А. С., Демичеву П. Н., Ванопону В. И. и Эдельштейну В. И., К. Е. Ворошилов тепло поздравляет каждого награжденного и желает новых успехов в их работе на благо нашей Родины и советского народа.

Выражая глубокую благодарность Коммунистической партии Советского Союза, Президиуму Верховного Совета СССР и Советскому правительству за высокую оценку их скромных заслуг, награжденные товарищи заверили, что они с еще большей энергией будут работать над претворением в жизнь исторических решений XXI съезда Коммунистической партии и отдадут все свои силы на успешное выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства.

В заключение К. Е. Ворошилов еще раз поздравил награжденных с получением медалей, пожелал им крепкого здоровья, дальнейших успехов в их большой работе в новом 1960 году.

(Окончание на 2-й стр.)

ПОЭТУ РУССКОГО ЛЕСА

В редакцию «Литературной газеты» пришла багдальер в плаще...

— Мне очень трудно получить эту медаль, хотя она и без права...

Я думаю, что сейчас как раз приспело время для учреждения...

Создание этих организаций, я глубоко верю, оказалось бы...

Будем надеяться, что эти организации появятся, и не слишком...

И. БАЗАРОВА

Как сообщили редакции, Совет Министров РСФСР 10 декабря...

Слушаю я Федора Изотова...

Талантливый человек! Что же такое талант? Прямое всего это огромный запас...

Затем, это любовь к труду, к честному труду, кавов бы он ни был, лишь бы шел на пользу обществу...

Далее, это умение давать максимум при минимуме возможностей...

И, конечно, — и может быть, это главное в таланте, постоянное ощущение своей причастности к судьбе...

Федор Изотович Сугатов — коммунист. Под этим знаком проходит вся его жизнь...

Как-то было сказано, что для поэта перед началом большой работы очень важно правильно и хорошо задумать...

Владивосток

НОВОГОДНИ ЕЕ Будущем?

Академик Лев Андреевич Арцимович, один из виднейших советских физиков...

— Вас, наверное, интересует, сказал он: — чем будет заниматься физика в новом, 1960 году?

О, их было за последние полвека так много, и — с другой стороны — древние традиции самой физики...

Главнейшие задачи физиков остаются прежними. Это, прежде всего, проблема атомной энергии...

Физиков волнует основное: какова природа сил взаимодействия между тяжелыми частицами атомного ядра?

Иногда для наглядности сравнивают элементарные частицы, открываемые сегодня физиками...

Как ни соблазнительна аналогия с мendeleeвской таблицей, физики от нее отказываются...

Смелый прорыв в космос, который будет, беспорочно развиг и закреплен, заста-

АКАДЕМИК Л. АРЦИМОВИЧ: ВЕЛИКИЕ СЛЕДСТВИЯ КРОШЕЧНЫХ «КАТАСТРОФ»

ее кусают, а у этих «блох», в свою очередь меньше «блохи», и так далее?

Увы!.. Мысль людей, строющих свои представления только на аналогиях...

Прочность твердых тел... Теоретически она для любого вещества в десятки раз превышает его нынешнюю практическую прочность...

За 800 тысяч лет своего существования человек, наконец-то, понял, что в окружающем его мире предметов и веществ слишком много несовершенств...

Физика и химия все глубже проникают в биологию, науку о жизни, о живых организмах...

Смелый прорыв в космос, который будет, беспорочно развиг и закреплен, заста-

ная биология, широко применяющая точные научные методы и средства...

Ученый улыбнулся: «вопрос не совсем по его специальности. Он не берет судить о задачах литературы, в которых лучше всего, бесспорно, разбираются сами мастера пера».

— Я могу высказаться только как читатель. Я бы пожелал многим нашим писателям в новом году по-настоящему их работы держаться как говорится, на достигнутом уровне...

Очень хочется, — сказал ученый, — чтобы хоть раз в пять лет (и пусть этот год станет пятым!) у нас появлялись книги юмористов и сатириков по своему «рангу» не ниже «Золотого теленка».

Человек, проведя такие эксперименты, стал бы не только свидетелем, но и автором, если можно так выразиться, «первичного акта творения материи».

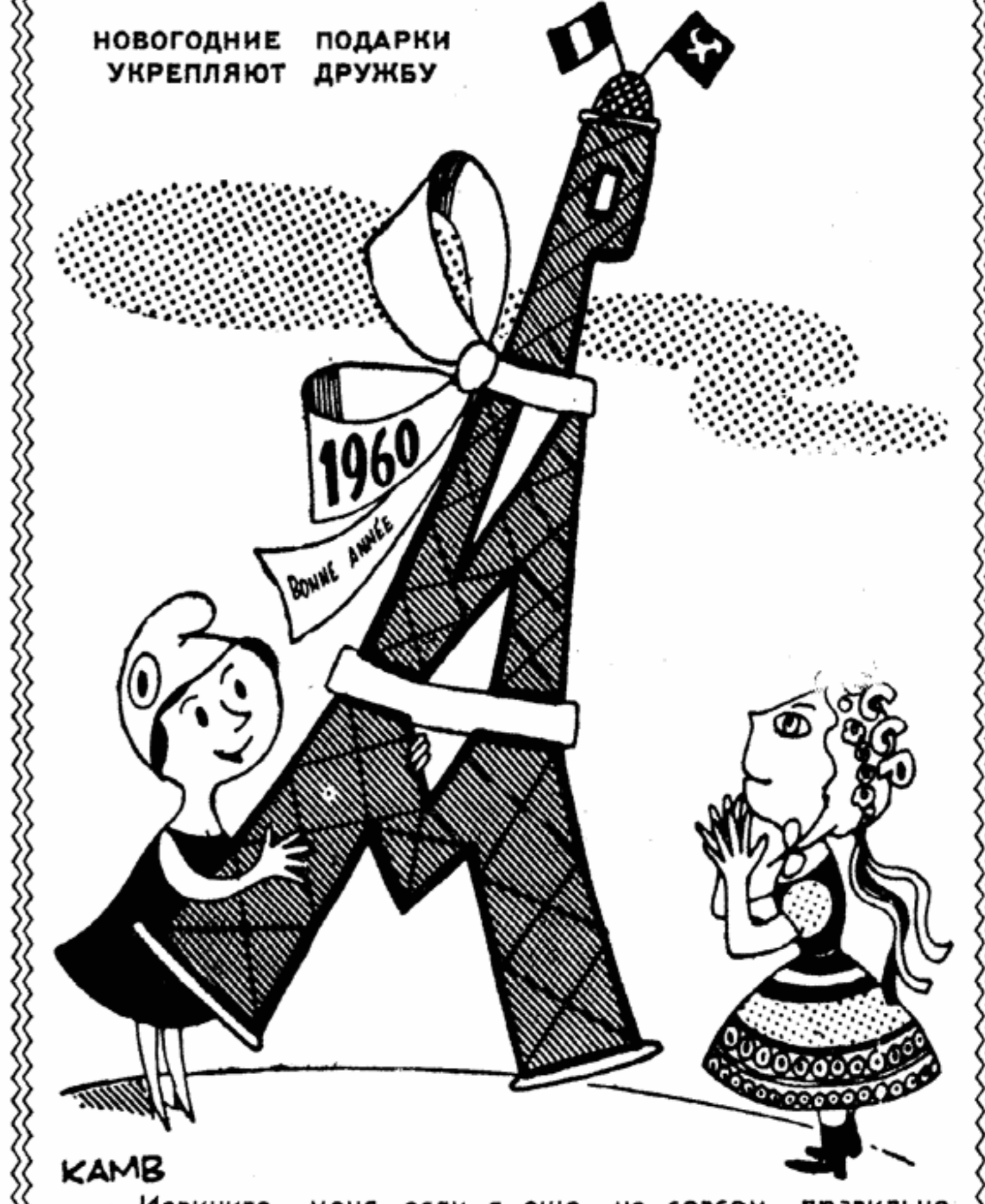
До сих пор мы говорили о частицах, взятых по отдельности. Однако физика изучает не только индивидуальные «кишки» частиц...

Несколько примеров. Для физика замена электронных вакуумных приборов, пустотных радиолам, полупроводниковыми кристаллами означает открытие довольно неожиданного применения твердых тел.

Смелый прорыв в космос, который будет, беспорочно развиг и закреплен, заста-

С. ГУЦЕВ

Рисунок для «Литературной газеты» французского художника Жака КАМБА

Камб — Извините меня, если я еще не совсем правильно складываю русские слова... ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: — Охотно читаем, дорогая Марианна! Мы сразу же поняли, как надо читать это дорожное всем нам слово — «Мир!»

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ НА ГИНДУКУШЕ

(Из поэмы «Дорогая моя») Мы друзей обретаем повсюду, всегда. Удивляемся жизни, как чуду, всегда!... Не забываем, ей-богу, труднее дорог: Гиндукуш перед нами лежит поперек...

Перевел с таджикского С. Липкин

Поэма будет опубликована в журнале «Огонек».

Становление характера

(Окончание. Начало на 1-й стр.) гордости за духовную и физическую стойкость человека. Может быть, и не выдержать бы ему всех испытаний, да нашелся другой кузнец, Дмитрий Прохорович Кузнец, который пожелал...

В годы войны кузнец Сугатов со своим подручным выполнял до десяти норм в день. Не перечислить всех нововведений, которые он применил и утвердил за свою многолетнюю жизнь...

Так складывался характер героя. Вывалился в войну, когда он и спал в пещу, чтобы не расходовать время на хождение домой и обратно.

— Вот если бы в те годы мне присвоили звание Героя Социалистического Труда, — говорит Федор Изотович, — я, пожалуй, бы не удивился, принял бы это как должное. А сейчас... не ожидал. И думать не мог. Все-таки силы уже не те. Хотя, конечно, работаю... два нормы 3—4 в день. Так это же главный образцовый счет большого навыка... И устаю. Какой уж тут герой, багатырь!

— Разве вы не знали о представлении к награде? — Не знал. Меня даже дома не было в отпуске ездил, в Сибирь.

Стойкий, железный характер кузнеца Сугатова пришелся по душе рабочему коллективу. Но не одно трудолюбие и трудовая смекалка привлекали к нему симпатии товарищей.

Интересен рассказ Федора Изотова о том, как он обнаружил однажды, что в кузнечном цехе вошла в обиход страсть к припискам. Изотович, скажем, кузнец 24 ключа, а мастер ему записывает 48. Работают без напряжения, а получают от государства много.

В 1938 году рабочие избрали его председателем местного профсоюзного комитета. Проработав год и затосковав по физическому труду, стал просить об освобождении.

— То, что я сделал в пещу, не каждый может, а в местком можно боевую женщину избрать, — справится...

М. ШОЛОХОВ Сердечный привет и самые добрые пожелания в наступающем Новом году читателям «Литературной газеты».

Ваш М. ШОЛОХОВ

В гостях у студентов

Долгими аплодисментами и теплыми словами приветствий студенты филологического факультета Московского государственного университета Милош Александрович Шолохов, который приехал к ним в гости в один из последних дней 1959 года...

— В этот вечер вы будете первыми критиками моей книги, говорит М. Шолохов, и эти слова его снова вызывают бурю аплодисментов.

Аплодисменты переходят в овацию, когда редактор сочинений М. А. Шолохова Ю. Б. Лукин, продолживший вслед за писателем чтение «Поднятой целины», провозгласит последние фразы неопубликованной главы.

— Ну вот, я и отчитался перед вами. Отпускаю душу на покой! — улыбается, спрашивает М. А. Шолохов своих слушателей.

Так закончился этот самый памятный для студентов университетского вечера в только что истекшем году.

уронив из рук кнут, пошел медленно и неуверенно назад. К нему подбежала прогнавшая корову сноха Бехлебова, схватила хлякующие старческие руки и, еле переводя дыхание, жарко дыша в стекляющие глаза старика, спросила:

— Дедушка, миленький, тебе плохо? — И уже в голос крикнула: — Да роднейший мой! Чем же я тебе помогу?!

Косенущим языком дед Агей произнес: — Касатуща моя, ты не пужайся... Подержи меня под руку, а то я упаду... И упал сначала на правое колено, а потом завалился набок. И умер. Только и всего. А в обледеневшее время, почти в один час родились две молодые колхозницы. У одной были очень трудные роды. Давыдову пришлось срочно послать в Войсковой за участковым фельдшером первую попавшуюся под руку подводу. Он только что вернулся из оспиритивного дома дед Агей, посправившись с покойником, и сейчас же явился в направлении к нему молодой колхозник Михаил Кузнецов. Бледный, взволнованный, он с порога начал:

— Дорогой товарищ Давыдов, ради Христа выручай! Баба вторые сутки мучается, никак не разродится. А ведь у меня, окромя нее, двое детей, да и ее досмерти жалко. Помоги лошади, надо фельдшера, что-то наши бабки ей никак не помогут... — Пошли! — сказал Давыдов и вышел во двор. Дед Шукляр уехал в степь за сеном. Все лошади были в ратоне. — Пойдем к твоему дому, первую же, какую

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ НА ГИНДУКУШЕ

Встретим, подводу направили в Войсковой. Ты идя к жене, а я люблю перехвачу на подъезде и пошлю. Давыдов великолепно знал, что не пристало мужчине быть вблизи от места, где рожают женщины, но он ходил возле низкого плетня хатенки Кузнецова широкими шагами, озирая на конца в конец пустую улицу, слышал глухие стоны и протяжные вскрики женщины и сам сдержанно мычал от боли за чужое его материнское страдание и вполголоса ругался самими последними материнскими ругательствами. А когда увидел историюшедшего едущего по улице бригадного водовоза — шестидесятилетнего пареня Антона Акимова, — бегом как мальчишка, бросился ему наперерез, не без усердия столкнул с дороги полную бочку воды и, задыхаясь, выговорил: — Вот что, парень, тут бабе трудно. Лошадь у тебя добрая, гони вонсо в Войсковой и вези мне фельдшера, живого или мертвого! Загонишь лошадей — я отвечаю, факт! И в полуденной, застойной тишине снова прозвучал и коротко оборвался крик, приглушенный и низкий, смертно мучающийся женщины. Давыдов пристально посмотрел в глаза пареня, спросил: — Слышишь? Ну, и гони! Став на дроги во весь рост, парень по-взрослому, накоротке взглянул на Давыдова: — Дядя Семен, я все понимаю, и за лошадей не беспокоюсь! Лошадь француши с места наметом, парень, стой, молодецки поспысывай и удайся пома-

М. ШОЛОХОВ

Ваш М. ШОЛОХОВ

В гостях у студентов

Долгими аплодисментами и теплыми словами приветствий студенты филологического факультета Московского государственного университета Милош Александрович Шолохов, который приехал к ним в гости в один из последних дней 1959 года...

— В этот вечер вы будете первыми критиками моей книги, говорит М. Шолохов, и эти слова его снова вызывают бурю аплодисментов.

Аплодисменты переходят в овацию, когда редактор сочинений М. А. Шолохова Ю. Б. Лукин, продолживший вслед за писателем чтение «Поднятой целины», провозгласит последние фразы неопубликованной главы.

— Ну вот, я и отчитался перед вами. Отпускаю душу на покой! — улыбается, спрашивает М. А. Шолохов своих слушателей.

Так закончился этот самый памятный для студентов университетского вечера в только что истекшем году.

уронив из рук кнут, пошел медленно и неуверенно назад. К нему подбежала прогнавшая корову сноха Бехлебова, схватила хлякующие старческие руки и, еле переводя дыхание, жарко дыша в стекляющие глаза старика, спросила:

— Дедушка, миленький, тебе плохо? — И уже в голос крикнула: — Да роднейший мой! Чем же я тебе помогу?!

Косенущим языком дед Агей произнес: — Касатуща моя, ты не пужайся... Подержи меня под руку, а то я упаду... И упал сначала на правое колено, а потом завалился набок. И умер. Только и всего. А в обледеневшее время, почти в один час родились две молодые колхозницы. У одной были очень трудные роды. Давыдову пришлось срочно послать в Войсковой за участковым фельдшером первую попавшуюся под руку подводу. Он только что вернулся из оспиритивного дома дед Агей, посправившись с покойником, и сейчас же явился в направлении к нему молодой колхозник Михаил Кузнецов. Бледный, взволнованный, он с порога начал:

— Дорогой товарищ Давыдов, ради Христа выручай! Баба вторые сутки мучается, никак не разродится. А ведь у меня, окромя нее, двое детей, да и ее досмерти жалко. Помоги лошади, надо фельдшера, что-то наши бабки ей никак не помогут... — Пошли! — сказал Давыдов и вышел во двор. Дед Шукляр уехал в степь за сеном. Все лошади были в ратоне. — Пойдем к твоему дому, первую же, какую

М. ШОЛОХОВ

Ваш М. ШОЛОХОВ

В гостях у студентов

Долгими аплодисментами и теплыми словами приветствий студенты филологического факультета Московского государственного университета Милош Александрович Шолохов, который приехал к ним в гости в один из последних дней 1959 года...

— В этот вечер вы будете первыми критиками моей книги, говорит М. Шолохов, и эти слова его снова вызывают бурю аплодисментов.

Аплодисменты переходят в овацию, когда редактор сочинений М. А. Шолохова Ю. Б. Лукин, продолживший вслед за писателем чтение «Поднятой целины», провозгласит последние фразы неопубликованной главы.

— Ну вот, я и отчитался перед вами. Отпускаю душу на покой! — улыбается, спрашивает М. А. Шолохов своих слушателей.

Так закончился этот самый памятный для студентов университетского вечера в только что истекшем году.

уронив из рук кнут, пошел медленно и неуверенно назад. К нему подбежала прогнавшая корову сноха Бехлебова, схватила хлякующие старческие руки и, еле переводя дыхание, жарко дыша в стекляющие глаза старика, спросила:

— Дедушка, миленький, тебе плохо? — И уже в голос крикнула: — Да роднейший мой! Чем же я тебе помогу?!

Косенущим языком дед Агей произнес: — Касатуща моя, ты не пужайся... Подержи меня под руку, а то я упаду... И упал сначала на правое колено, а потом завалился набок. И умер. Только и всего. А в обледеневшее время, почти в один час родились две молодые колхозницы. У одной были очень трудные роды. Давыдову пришлось срочно послать в Войсковой за участковым фельдшером первую попавшуюся под руку подводу. Он только что вернулся из оспиритивного дома дед Агей, посправившись с покойником, и сейчас же явился в направлении к нему молодой колхозник Михаил Кузнецов. Бледный, взволнованный, он с порога начал:

— Дорогой товарищ Давыдов, ради Христа выручай! Баба вторые сутки мучается, никак не разродится. А ведь у меня, окромя нее, двое детей, да и ее досмерти жалко. Помоги лошади, надо фельдшера, что-то наши бабки ей никак не помогут... — Пошли! — сказал Давыдов и вышел во двор. Дед Шукляр уехал в степь за сеном. Все лошади были в ратоне. — Пойдем к твоему дому, первую же, какую

БЫВАЮТ события, которые трудно заметить. Войны не просишь — разбудят сирены или поветка. Ураган ломает деревья. Если умирает сосед, из дому выносят гроб. Новорожденный кричит за стенкой. Но художник должен слышать, как растет трава, — на то он художник. Он должен подметить приход весны до грачей и до подснежников. Его зрение подобно рентгеновскому, его сердце — сейсмограф. Он видит изменения в сознании человека до того, как об этом догадаются и сам герой, и окружающие.

Илья
ЭРЕНБУРГ

О Луне, о Земле, о сердце

ру, Энтони Синклеру, Синклеру Льюису и другим американским авторам. Я высоко ставлю и люблю некоторых писателей Америки, прежде всего Хемингуэя, но, говоря о том, что мы еще не все достигли, я думаю и думаю о нем и уж, конечно, не об Энтоне Синклере, а о «Шинели», «Войне и мире», «Преступления и наказания», «Скудной истории».

За сорок с лишним лет советская литература знала большие удачи. Не стану перечислять живых писателей — забудешь, не по порядку поставишь, ведь у нас еще жив дух местничества... Назову несколько произведений умерших писателей: «Мои университеты» и «Дело Артамоновых» Горького, поэзию Маяковского, «Пётр Первый» и «Детство Никиты» А. Н. Толстого, рассказы Бабеля, «Разгром» Фадеева, стихи Есенина; это большие и не эфемерные книги. Но наше дело не перечислять достижения прошлого, а помышлять о будущем.

Среди молодежи теперь происходит оживленная дискуссия; ее тема может удивить: юности и девушки горячо спорят — не обречено ли искусство на гибель или, во всяком случае, на прозябанье, нужно ли оно людям нашей эпохи? Это может показаться удивительным: почему именно теперь, в эпоху большого благополучия и укрепления общества, могли хотя бы у незначительной части молодежи возникнуть подобные сомнения? Дело не только в ослепляющих успехах науки и в развитии техники. Имеются другие, более серьезные причины — недостаток эстетического воспитания, тени прошлого — полуинженерства, полуконструктивизма, — воскресные в некоторых письмах читателей «Комсомольской правды», ощущение двери, приоткрывающейся в завтрашний день, который люди скорее предадут, чем видят и ощущают.

Среди писем участников дискуссии мое внимание привлекло одно, написанное рядовым инженером, работающим далеко от больших городов. Он пишет: «Конечно, искусство, имеющее тысячелетнюю давность, не может сразу умереть. Я лишь здесь, в театре, но выписываю два журнала, беру в библиотеке новинки. Я, как и все работники нашей промышленности, горжусь успехами, горжусь нашими делами, и я начинаю спрашивать себя и товарищей — уж так ли нужно, чтобы кто-то регистрировал твои успехи? Есть статистика, да и люди сами видят, а в будущем займется описанием истории...»

Хотя автор письма в конце и делает вывод, что искусство «отжило свой век», его мысли (вполне правильные) направлены не против искусства, а против урговатов искусства. Писатель, занятый тем, что он регистрирует успехи писателей, напоминает самолет с крыльями, с кабиной, с креслами, даже с радиоприемником, который никогда не отрывался и не оторвется от земли.

Нас всех, закоренелых и страстных домоседов Земли, ругают, приподымает фотография невидимой стороны Луны. Мы можем задуматься над горестными мыслями многих читателей, которые спрашивают, почему наши писатели так редко показывают невидимую сторону человеческого сердца? А показывать то, что видно всем, рассказывать о том, что всем известно, — дело заведомо ненужное.

Овешение духовного мира современников, их затененных мыслей и чувств, их сомнений и надежд, их радостей, страданий, их огромной внутренней воли, преодолеваяющей все испытания, по-моему, основная задача литературы. Мы очень долго строили наш советский дом. Мы не перестаем строить, мы будем всегда строить — воля к созданию, к творчеству не может ослабеть, пока бьется сердце. Но было время, когда мысли советских людей были обращены прежде всего к лесам строем. Мы как бы жили в землянках, в бараках. Теперь впервые люди имеют возможность спокойно задуматься,

как им украсить и возвысить жизнь в построенном доме, теперь они достраивают, надстраивают, пристраивают и одновременно заняты вопросами человеческих взаимоотношений, морали, эстетики, культуры чувств. Это открывает перед писателями новые возможности, требует от них новых творческих взлетов.

В нашей великой радости, у нас теперь строит не небоскреб среди косых домишек, а сотни тысяч хороших домов. Нам нужны в литературе не декларативные небоскребы, а дома с жизнью реальной, теплой, пронизанной присутствием человека. Слова, как деньги, подвержены закону ограниченного выпуска, и мы хорошо знаем, что такое инфляция громких слов, возвышенных тирад, грандиозных образов, которые рассыпаются на пятой или шестидесятой странице романа. Подлинно величье присуща скромности, подлинной страстности — сдержанности.

Могут сказать, что я отрезаю от романтики. Но весь романтика может быть разной, не обязательно опираться на многозначные цифры и прибегать к ходулякам. Есть множество жанров, есть и разные натуры писателей. Но мне кажется, что трудно в любом жанре любому писателю взлететь в небеса, не ощутившись предварительно в глубокое шахты человеческих сердец и не открыв там крупный ценнейший чувственный.

А с жанрами действительно выходит скучно, бедно. Куда, например, исчезла сатира? Есть частенько стертость писательского подхода к теме, к героям, извещенное однообразие. На выставке в Брюсселе посетители Советского павильона удивлялись, сколько у нас разного рода хлебов; вряд ли подобное чувство испытывают наши читатели, заканчивая очередной номер литературного журнала.

Говорят, что критики теперь должны соблюдать умеренность как в похвалах, так и в порицаниях; если книга молодого автора понравилась, — указать обязательно на недостатки, если не понравилась, — сказать об этом вполголоса. Конечно, критика должна быть человеческой, без передегивания, без грубостей, честная, но страстная, и — главное — нужно спорить! Ведь когда мы беседуем в тесном кругу, мы спорим — вкусы связаны с индивидуальностью, оценки — с близостью или чуждостью не только языка, — сердца. А в печати любой спор о художественном произведении быстро заканчивается безапелляционным суждением, пропадает охота спорить. Молодые писатели предоставляют самим себе, некоторые (похитре или посплабе) делают вывод, что лучше писать под кого-нибудь из «спринтеров», без дерзаний, без поисков, без острых углов. Удивительно, в «Комсомольской правде» читатели велют дискуссии на тему почти абстрактную — нужно ли искусство, а в литературных газетах и журналах, где все убеждены, что искусство необходимо, очень редко спорят, можно ли причислить к искусству то или иное произведение.

Перед молодыми писателями стоит задача — не только овладеть мастерством, но сказать то, что еще не сказано, и так, как о сказанном не говорились: найти свою тему, своих героев, найти себя. Это можно достичь только участвуя в жизни, не наблюдая людей со стороны, но переживая с ними их страсти, их взлеты и срывы, их праздники и бури.

Рецензия на книгу одного молодого литератора я прочитал: «слабовато, повесть нужно отшлифовать»; повесть действительно была слабой, но написанной достаточно умело, чтобы скрыть от равнодушного рецензента равнодушное человека, ее написавшего, нужно было не шлифовать повесть, а очеловечить ее автора. Однообразие можно увидеть даже в декорациях: в рассказах, в стихах гораздо чаще сияет солнце или сверкает снег, чем морозит. Говорят — это оптимизм автора. Но-моему, оптимизм должен ска-

зываться не в выборе пути человека, народа, человечества и при этом не бояться показать не только дождливый день, но и печаль, тоску, горе.

Я говорил, что в отрицании искусства некоторыми молодыми людьми, в походе к любому художественному произведению, как к потехе, повинно слабое эстетическое воспитание; следовательно, часть вины ложится и на нас, писателей. Руководители партии, хозяйственники, инженеры, агрономы быстро повысили жизненный уровень населения. Астрономы прочищают Луну. А о нашей работе люди судят по быту, по нравам, по отношению человека к товарищам, к семье, по его отзывчивости или равнодушию, чуткости или грубости. Писатель в известной мере отвечает не только за своих читателей, но и за тех, кого он не сумел сделать своими читателями. Неужто до Луны ближе, чем до сердца человека, проживающего на соседней улице?..

Я говорю все это потому, что я — оптимист; я часто встречаю необыкновенных читателей, вижу чуждую молодость, которая ищет, критикует, любит, ненавидит и смело смотрит вперед. Я убежден, что из этой молодежи выйдут настоящие большие писатели. Когда вежливые люди встречают человека моего возраста, они обязательно говорят: «Вы сегодня чудно выглядите, куда лучше, чем в последний раз!..»

Так успокаивают старых людей, так успокаивают и одиознейшее общество. А наш мир молодой, он меняется с каждым днем, в нем не только допустимы все надежды, — все надежды в нем реальны и оправданы. Наши спутники успешно кружатся вокруг Земли. Должен прийти Толстой, должен прийти Чехов, — как ни велика Земля, как ни мало человеческое сердце, у сердца должны быть и у сердца будут свои спутники: романы, поэмы, холсты, симфонии. Изумительные машины заменили соху села Михайловского, но тракторист ждет звуков той лиры, которая пробуждает добрые чувства.

Шон О'КЕЙСИ,
ирландский писатель

Как быстро летит время...

Вот что наиболее важно: не год, который ушел, а год, который стоит перед нами; в новом году мы можем выполнить оставшееся невыполненным в году минувшем; то, что мы делали хорошо, — делать еще лучше; если мы сделали мало, — сделать больше; а коли не свершили ничего, то постараться свершить хоть что-нибудь. И самое главное: не будем гнаться только за тем, что приносит выгоду нам одним.

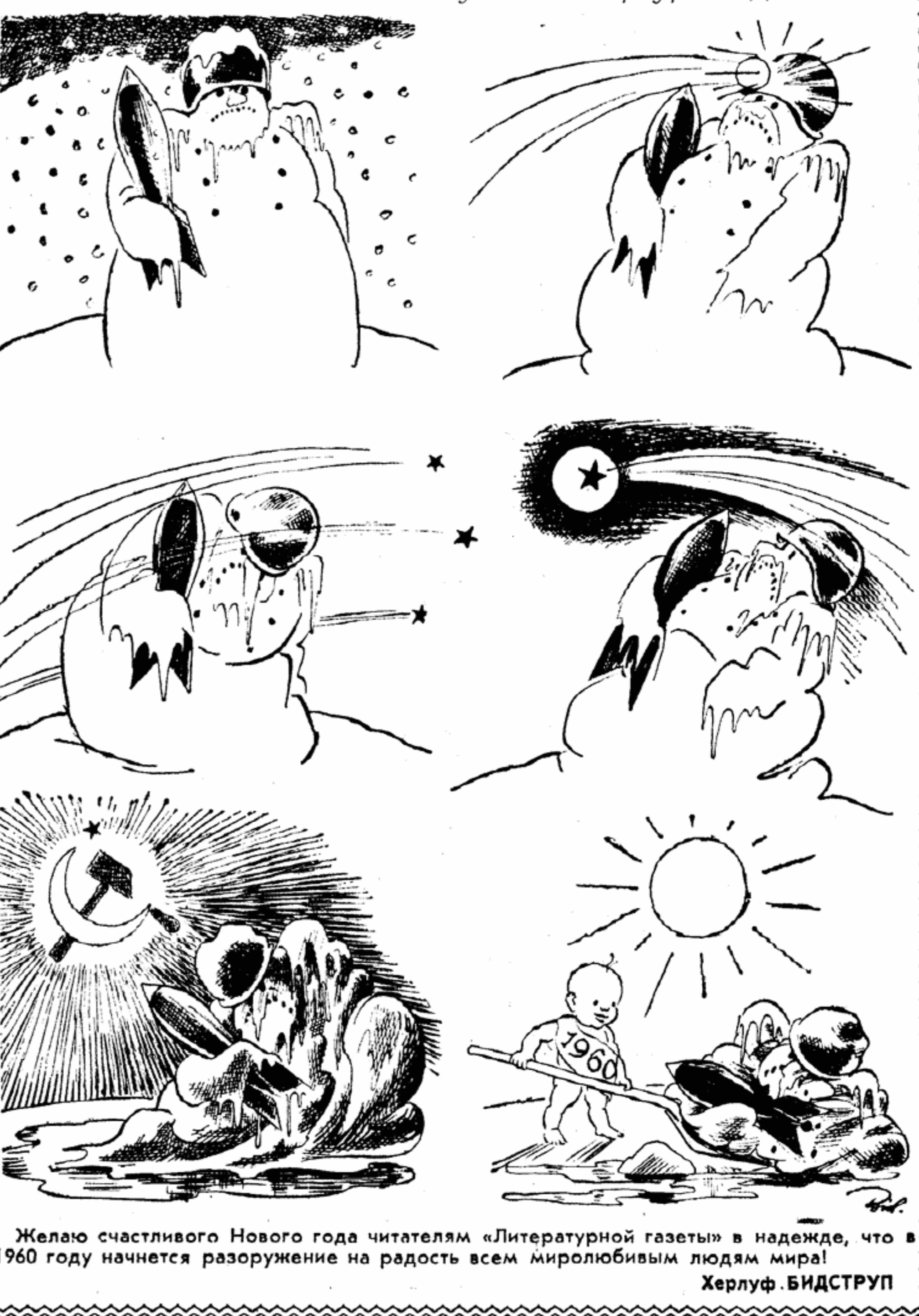
Здесь, в этом «свободном западном мире», как его принято у нас называть, очень многие люди все еще преследуют лишь свои собственные интересы — в печати, политике, профсоюзном, литературном и даже в делах так называемой церкви. Они не только стремятся защитить те свои интересы, которые касаются обычных человеческих нужд и в которых нет ничего нечестного и плохого, но и готовы в любой момент говорить, писать, проповедовать все, что угодно, лишь бы услужить власти имущим, которые распределяют работу, которые обладают силой и возможностью предоставлять большие местечки. Они при этом ничуть не заботятся об истине, реальном положении вещей, нуждах общества, всеобщей безопасности и удобствах, общественном развитии.

Беда не в том, что люди могут ошибочно толковать факты. — Это было бы простительно, — но в том, что факты фальсифицируются, а это уже непростительно. Тут-то и заключается главная цель упорной борьбы, которую должны вести повсюду прогрессивные мыслители и писатели: это — борьба против лжи, имеющей примесь правды, самого предательского вида лжи, — ему труднее всего противостоять.

Времена, однако, изменились и продолжают меняться. Рано или поздно факты предстают в правильном свете. Нельзя долго сдерживать и тем более одолевать справедливую устремленность людей. Их часто неправильно понимают, порой совсем не признают, но если быть стойким, то рано или поздно верная идея и верный путь историческому и все придет к радостному и хорошему концу.

О КИДЫВАЮ взглядом прошедшее — лет тридцать пять назад я впервые установил связи с полным энтузиазмом и силой Советским Союзом, вспоминая обо всех трудностях (ведь сложно было даже в сохранении доставить письмо в Москву), думаю о самых последних годах и вижу — какие поразительные перемены произошли и в СССР, и во всем

Рисунок для «Литературной газеты» датского художника Херлуфа БИДСТРУПА

Желаю счастливого Нового года читателям «Литературной газеты» в надежде, что в 1960 году начнется разоружение на радость всем миролюбивым людям мира!
Херлуф БИДСТРУП

нашу охрану, по крайней мере — наблюдением.

Половец услужливо метнулся к двери, но в нее уже входил стальной и ладный кучер господина полковника. Он протянул Половцеву руку: — Здравия желаю, господин есаул! По русскому обычаю через порог не здороваются... — И, обращаясь к полковнику, почтительно спросил: — Разрешите присутствовать? Наблюдение мною обеспечено.

Приезжий по-прежнему улыбался Половцеву и Лятевскому глубоко посаженными серыми глазами: — Прощу знакомиться, господа офицеры: ротмистр Казанцев. Ну, а хозяев вы, господин Казанцев, знаете. Теперь, господа, к делу. Давайте присядем к вашему хозяйственному столу.

Половец робко спросил: — Господин полковник, может быть, разрешите чем-нибудь вас угостить? По-простому, чем богаты, тем и рады!

Приезжий сухо ответил: — Благодарю вас, нужды нет. Давайте сразу перейдем к делу, времени у меня — в обрез. Ротмистр, дайте карту.

Ротмистр Казанцев достал из внутреннего кармана пиджака сложенную четвертую карту-десятиверстку Азово-Черноморского края, развернул ее на столе, и все четверо склонились над ней.

Приезжий, поправив воротник свободно расстегнутого парусинового кителя, вынул из кармана синий карандаш, постукивая им о стол, сказал: — Фамилия моя, как вы и полагаете, отнюдь не Седой... а Никольский. Полковник генштаба императорской армии. Карта общая, но более подробная карта вам для боевых операций не нужна. Ваша задача: у вас около двухсот активных штыков, или сабель, вам надлежит, перебив местных коммунистов, но отнюдь не ввязываясь в мелкие и грязные стычки, походящим порядком, перерезав по пути связи, идти на совхоз «Красная заря». Там вы сделаете что надо, получите в результате около сорока винтовок, сохранив полностью боезапасом. И, самое главное, сохранив полностью имеющиеся у вас на вооружении ручные и станковые пулеметы, приборять в совхозе около тридцати грузовых автомобилей, форсированным маршем двинуться на Миллерово. И еще одно главное... Видите, сколько глыбных задач и вам ставлю... Вам необходимо, я приказываю это, господин есаул, заставить враглов и не дать развернуться полку, который дислоцирован в городе Миллерово, разбить его с хода, обезоружить, захватить имеющиеся у него орудия, боевые средства и тех красноармейцев из полка, кто пристанет к вам, и вместе, на машинах, двинуться в направлении Ростова. Я вам намекаю задачу только в общих чертах, но от нее зависит многое. Паче чаяния, если ваше продвижение на Миллерово встретит сопротивление, в обход Миллерова двинуться на Каменск, по пути маршируете. Снимая карандаш, вильным движением провел прямую черту на карте. — В Каменске я встречу вас со своим отрядом, господин есаул.

Помолчав, он добавил:

— С севера вас, возможно, будет поддерживать подполковник Савватеев. Но вы на это не очень надейтесь и действуйте сами. От успеха вашей операции, поймите это, очень многое зависит. Я говорю о разоружении полка в Миллерово и об использовании его огневых средств. Как-никак, у них — батарея, а это нам во многом было бы полезно. А затем от Каменска мы завладели бы бои за Ростов, полагая, что нам придет на помощь наши силы с Кубани и Терека. А там — помощь союзников, и мы уже властвуем на юге. Прощу учесть, господа офицеры, что продуманная нами операция рискованна, но у нас нет иного выхода! Если мы не используем возможности, которые дает нам история в тысячу девятьсот тридцатом году, то тогда придется с империей и переходить на мелкие террористические акты... Вот все, что я имею вам сказать. Короткое слово за вами, есаул Половец. Учите одно обстоятельство: что мне надо еще захватить в сельсовет, отменить мою командировку и ехать в район. Я, так сказать, лицо официальное, агроном сельхозуправления, поэтому покороче — ваши соображения.

Не глядя на полковника, Половец глухо проговорил: — Господин полковник, вы ставите передо мной общую задачу, никак ее не конкретизируя. Совхоз я возьму, но я полагаю, что мы после этого пойдем подымать казаков, а вы меня посылаете ввязываться в бой с кадровым полком Красной Армии. Не кажется ли вам, что это невыполнимая задача при моих возможностях и силах? А если даже один батальон на пути моего следования выйдет мне навстречу... вы же обрекаете меня на верную гибель!

Полковник Никольский, постукивая костяшками пальцев по столу, усмехнулся: — Я думаю, напрасно вам присваивали звание есаула в свое время. Если вы в трудную минуту колеблетесь и не верите в успех задуманного, то лучше предпринять, то вы ищите не стоите как офицер русской армии! И вы не подумайте мудрить и строить свои самостоятельные планы! Как прикажете воспринять ваши слова? Будете вы действовать или вас надо убирать?

Половец встал. Склонив лобастую голову, он тихо ответил: — Есть, действуй, господин полковник. Но только... Но только за неуспех операции будете отвечать вы, а не я!

— Ох, уж об этом не ваша забота, господин есаул! — невесело усмехаясь, проговорил полковник Никольский и поднялся.

Тотчас же встал и ротмистр Казанцев. Обнимая Половцева, Никольский сказал: — Мужество и еще раз мужество! Вот чего не хватает офицерскому корпусу доброй старой императорской армии! Засиделись вы, будучи в учительских средних школах, в агрономах. А традиции! Славные традиции русской армии, вы про них забыли? Но ничего. Вы только начните по приказу тех, кто думает за вас, а там... А там — инстинкт приходит во время еды! Надеюсь, вы увидите, господин есаул, еще генерал-майором — в Новороссийске или, скажем, в Москве. Судя по вашему нелюдному виду, вы на мно-

го способны! До встречи в Каменске. И последнее: приказ о выступлении, единовременном всюду, где есть наши точки сопротивления, будет дан особо, вы это помните. До свидания, до встречи в Каменске!

Холодно обнявшись с приехавшими, распахнув двери горницы и встретив взгляд трепетно стоявшего в сенях Якова Лукьяка, Половец не сел, а упал на койку. Спустила немного спросил у прижавшегося спиной к окну Лятевского: — Видели вы такого жука?

А Лятевский презрительно махнул рукой: — Езус-Мария, а чего вы хотели от этого русского воинства? Вы спросите у меня, господин Половец: за каким только чертом я с вами связался?

И еще одно трагическое происшествие случилось в этот день: в колодезь утонул козел Трофим. Будучи непостоянным по характеру, шлялся по хутору все ночи напролет, он, очевидно, нарвался ночью на стаю гулящих собак, и те, рванувшись за ним в погоню, принудили его прыгнуть через колодезь, находившийся возле правления колодезь. Створка, прикрывавшая устье колодезь, по старинному небрежности деду Шукаря была не прикрыта с вечера, старый козел, напуганный собаками, из этой погони, прыгнул через колодезь, и — видно, скользнул старые копыта — сорвался в волн и утонул.

Вечером дед Шукарь вернулся с возом сена, захотел напоить своих жеребцов и пытался зачерпнуть воды, почувствовал, что ведро ткнулось во что-то мякое. Все его попытки набрать воды, как он ни старался водить из стороны в сторону веревкой, привязывавшей ведро, закончились неудачей. Тогда старик, озаренный страшной догадкой, сиротливыми глазами оглядел двор в надежде увидеть где-нибудь на крыше сарая своего извечного недруга, но взгляд его бродил впустую: Трофима нигде не было. Дед Шукарь торопливо пошел на сеновал, затем рысью пробежал за ворота, — нигде Трофима не было... Тогда Шукарь, заплаканный и жалкий в своем горе, вошел в комнату правления, где сидел Давыдов, опустив на лавку: — Ну, вот, Сема, жаль моя, дождался мы новой беды: наш Трофим-то, не иначе — утону в колодезе. Пойдем, дождем «кошку», надо его вытаскивать.

— Загорелся? — улыбаясь, спросил Давыдов. — Ты же все время просил, чтобы его зарезали.

— Мало ли что просил! — зло вскричал дед Шукарь. — Не зарезали, и слава богу! А теперь как мне без него жить? Он меня каждый божий день под страхом держал, а я кнутом с зарю до вечера не расставала, держа от моего оборону, а теперь какая моя будет жизнь? Одна голынная скука! Теперь хоть самому в колодезь кидайся вина головою... Какая у нас с ним была дружба? Да никакой! На одной батали мы с ним сходились. Была только ойма его, проклятого, держу за рога, говорю: «Трофим, таковский сын, ты ведь уж не молодой дождь, откуда же у тебя столько злобы? Откуда в тебе столько уда-

ли, что ты мне ни один секунд тоску не дашешь? Так и караулишь меня, чтобы поддать сзади или откудана-нибудь сбоку. А ведь ты пойми, что я хворый человек и должен ты ко мне какое-то восчувствие иметь?» А он смотрит на меня стоячим зраком, и ничего человеческого в его глазах я не вижу. Потану его через спину кнутом и говорю ему по след: «Беги, будь ты трижды проклят, старый паскудник! С тобой ни до чего путного не договориться!» А он, вражий сын, кинет задом, отбежит шагов на десять, начинает ципать траву от нечего делать, как будто он, проклятый, голодный! А сам косит на меня своими стоячими глазами и, должно быть, опять же норовит подстеречь меня. Потеха, а не жизнь была у нас с ним! Потому что договориться с таким глупым идиотом, а по-простому — с дураком, мне было никак невозможно! А вот зараз утону, и мне его жалко, и жиния моя вовсе обнищала... — дед Шукарь жалостно всхлипнул и вытер рукавом грязной ситцевой рубахи слезливый глаз.

Давыдов в соседнем дворе «кошку». Давыдов и Шукарь извелили из колодезь уже несколько размокшего Трофима. Давыдов, отворачивая от Шукаря лицо, спросил: — Ну, а теперь что будем делать?

Дед Шукарь, по-прежнему всхлиывая и вытирая слезливый глаз, ответил: — Ты види, Семуха, справил свои государственные дела, а я его сам похороню. Это не твоё молодое дело, это — дело стариковское. Я его зарю, лихой, чин по чину, пошью, поплачу над его погребелью... Спаси христос, что помог его вытаскивать, один бы я не справился! В нем же, в рогагом мерине, не меньше трех пудов будет. Он же разлезся на даровых харчах, потому и утону, дурак, а будь он полтече — перескочил бы через колодезь, как миленький! Не иначе — разжелудили его эти собаки так, что он без ума летел через эти колодезь. Да и какого ума с него было, со старого дурака, требовать? А ты мне, Семуха, жаль моя, боль моя, дай на четвертинку водки, я его помню вестером на сеновале. Домой, к старухе, мне идти не к чему, приду, а что от этого толку? Одно разстройство всех нервных систем. И опять батасья? А мне это в моих годах вовсе не к чему. А так я потихонечку вялюю, помню покойника, напою жеребцов и усну, факт.

Давыдов, всеми силами пытаясь сдержать улыбку, вручил Шукарю десятку, обнял его узенькие плечи: — А ты, дед, по нем не очень горю. На худой конец мы тебе нового козла купим.

Горестно покачивая головой, дед Шукарь ответил: — Такого козла ни за какие деньги не купишь, не было и нет таких козлов на белом свете! А мое горе при нем останется. — И пошел за лопатой, спортивным жалким, трогательно смешной в своем искреннем горе.

На этом и кончился исполненный больших и малых событий день в Гремечем Логу.

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЫ

Физики — лирикам

Что-то лирики в почете, что-то физики в загоне. Дело не в прямом расчете, дело не в сухом законе.

Значит, видно, вы раскрыли то, что следовало нам бы: знать, не зря когда-то крыли Ваш сладенькие ямбы.

Это самоочевидно. Спорить просто бесполезно, Вас читать теперь не стыдно, а скорее интересно.

Снова лира заиграет, и все чаще ради рифмы оставяешь интегралы, забываешь логарифмы.

Академик Н. БЕЗУЛЬБИКИН

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

РОБОТЫ ЗА РАБОТОЙ

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

1965 год. «В связи с тем, что число писателей с их именами и художественных произведений, а также количество проблем, заслуживающих упоминания в наших докладах, за последние годы резко возросло, бюро секции признало необходимым привлечь к подготовке таких докладов перечисленные машины (роботы)».

1970 год. «В связи с тем, что чтение докладов, подготовленных ро-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН СОЮЗА ЧИТАТЕЛЕЙ

Год издания 51-й № 1 (7245)

Вторник, 1 января 1980 г. ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В ДЕНЬ

БЕСПЛАТНО

ботами, отнимает много времени и сил у наших ведущих писателей, бюро секции признало необходимым, чтобы в дальнейшем эти доклады зачитывались роботами».

1975 год. «В связи с тем, что заседания по-прежнему отнимают у писателей много времени, бюро секции признало необходимым, чтобы в дальнейшем на таких заседаниях вместо писателей присутствовали роботы».

1979 год. «В связи с тем, что роботы во время заседаний непропорционально расходуют большое количество электроэнергии, бюро секции признало необходимым передать роботов туда, где они могут быть использованы по их прямому назначению. Двух роботов-шахматистов по просьбе писательской общественности решено оставить при Центральном Доме литераторов».

РАЗГОВОР СОСТОЯЛСЯ Наш специальный корреспондент побывал на свободном дискуссионном заседании по проблематике производственного романа, проведенной роботами. Он пишет:

«Это было яркое, незабываемое зрелище. На экранах оциллографов бешено крутились синусоиды. Слышался сухой треск электрических разрядов. Зал наполнился волнующим запахом озона. Робот-председатель накалился докрасна. Затем одновременно вспыхнули красивые лампочки — это означало, что все проблемы решены. Дискуссия длилась 7 минут 11 секунд. Роботы произвели за это время около 15 миллионов мыслительных операций. Начата расшифровка стенограмм, из которых впоследствии составится огромная библиотечка. Вот основной вывод, сделанный роботами:

Производственный роман следует обогатить формулами и чертежами, чтобы он был понятен хотя бы специалистам.

После заседания наш корреспондент протер роботов замшевой тряпочкой».

Корней ЧУКОВСКИЙ

«ОТ ДВУХ ДО ПЯТИ»

(Отрывки из подготовленного к печати 55-го исправленного и дополненного издания)

МАТЬ Вовы Кузнецика (г. Сызрань) пишет мне, что купила и прочла своему сынишке вышедшую в «Библиотеке дошкольника» книжку «Малышам об атоме». В книжке есть такая фраза: «Ядро А113, которое согласно принятой гипотезе является радиоактивным, может быть получено в результате бомбардировки углерода дейтронами после испускания одного нейтрона». Вовина мама спрашивает, зачем в этой очень просто и хорошо написанной книжке несколько раз встречается непонятный детям и трудно объяснимый военный термин «бомбардировка».

Слышала «дразнилку», которую сочинили ребятами на нашем дворе:

Петька хвастает, хвастун, что летает на Нептун, Петька врет, Петька врет, Петьку лопка не берет. Они же сочинили и новую считалочку: Позитрон, циклотрон, Альфа, бета, Выжди вон.

Делушка в рассказе о своем детстве упоминает, что как-то проехала на трамвае зайцем... Посыпался град вопросов: — Что такое трамвай? — Была такая машина. — Что такое зайца? — Был такой зверек. — Как ты стал зверьком? — Я не стал, так говорили, если кто-нибудь ехал без билета. — Что такое билет? — Бумажка, ее показывали контролеру. — А что такое контролер?

Вчера смотрел, как рисует Машенькина дочурка. По горячему следу написал такие неприязнительные стишки:

Дали Мурочке тетрадь, Стала Мура рисовать. «Это — атомный реактор». «Это — теледидрограф». «Это — робот-робот». «Это — просто чернильный жук». «Что ж ты бросила тетрадь, Престала рисовать? «А я жуков боюсь».

Доброго пути, друг, друг!..

КОГДА-ТО Александр Сергеевич Пушкин писал: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил». Хотелся и мне в старости лет благословить вечномолодого поэта Льва Ошанина.

Как сейчас помню, — в конце 1959 года в издательстве «Молодая гвардия» вышла книжка его стихов «Так нам сердце вело» (под редакцией Д. Ковалева). Уже с первых строк было видно, что мо-

лодой поэт упорно учится у классиков, особенно у зрелого Брюсова. С детства заглали ему в душу строки Валерия Яковлевича:

Близ медлительного Нила, там, где озеро Мериды, в царстве пламенного Ра, Ты давно меня любила, как Озириса Изиды, друг, царца и сестра!

Углубляясь еще дальше в древность, Ошанин писал:

Вот он, темный вход в пещеру, — здесь упрямою хозяйка Родила однажды ночью полководца и врача. На камнях, нагретых телом, прикрываясь волосами, Родила в таких же муках, как вчера твоя жена.

Новаторски отбрасывая погрешности рифмы, молодой поэт не чурается весомого, грубого и зримо образа (сприкрываясь волосами).

Но не только о первобытных временах пишет Л. Ошанин. Он смело вторгается в современность, творчески развивая традиции Аристофана, затрагивая животрепещущую проблему личной жизни поджигателей войны. В одной из песен он призывает:

Эй, подруги, не будьте у чувства в плену, Не любите того, кто душой за войну, Не позволим войне польщать, — над землей, — Мы клянемся своей красотой!

И, действительно, сколько красота мы находим в книжке поэта! Здесь и новаторская рифма типа «ботинки — луботинки»:

Приходи сюда ночью воскресной —

Честная СОБСТВЕННОСТЬ

Л. И. ХОДЕЕВ

ПРОБЛЕМНЫЙ ФЕЛЬТОН

Известный общественный деятель проклятого прошлого К. Ю. Цезарь, в отличие от Цезаря Солдара не писавший водевилей, обладал, тем не менее, солидным движимым и недвижимым имуществом. Будем говорить прямо: в его личном распоряжении находились легонеры и камердинеры, сенаторы и гладиаторы. Он мылся земляничным мылом в индустриальной кабине известных бань Караналлы и единолично пользовался водопроводом, сработанным еще рабами Рима. Словом, это был типичный индивидуалист и единоличник. Но этого ему было мало!

Дух стяжательства сверт престарелого халупу в пучину завоевательных войн. Он решил умыкнуть совершенно ненужную ему пирамиду Хеопса. Отсюда и пошло ставшее впоследствии популярным выражение: «Хеопс со смыком». Чем все это кончилось, хорошо известно из учебника истории для пятого класса неполной средней школы. Недаром в те годы пользовалась таким успехом поговорка, пущенная седоусым центурионом (командир взвода), «И ты, Брут?», что в вольном переводе означает: «Не плыви в колодец».

Впрочем, седоусого центуриона не было. Может быть, не было и К. Ю. Цезаря. Водопровод был. Цезарь Солдара жив и здоров. Но дело не в этом. Давайте поговорим о духе стяжательства. Поговорим серьезно хотя бы в фельтоне. Когда-то это было полезно и иногда, помогало.

Вчера в ГУМе я видел, как один добродушный дядя выбирал себе штаны. Доверчиво и благо-

склонно я перевел взгляд на его ноги, ожидая увидеть голые лужи или по крайней мере небесную голубизну трикотаж. Ничего подобного. На дяде были, правда, не совсем новые, но вполне еще приличные шевитовые брюки.

Человеку свойственно одеваться!

Нет ничего постыдного даже в том, что отдельные индивидуумы носят галстуки и подтяжки. Но я хочу провести научный водораздел между естественным стремлением прикрыть свое наготу и противостыдным, чудовищно извращенным желанием обладать лишней парой брюк!

Пирамида Хеопса. Рис. автора

Давайте говорить откровенно. Зачем человеку вторые брюки? Чтобы мертвым капиталом они висели в шкафу?

Ни для кого не секрет, что обидчики продолжают давать на чай посетителям. И некоторые берут!

Груз собственности расплывает душу человека в блин!

Человек, зараженный духом стяжательства, не ограничится лишней парой брюк или чаевыми. Будливо кинется он за второй рубашкой, лишней запонкой, а там и за дополнительной женой.

Известный своим бытовым разложением библейский царь Соломон Давидович, в отличие от поэта Давида Самойлова, имел семью.

Небезызвестный композитор И. С. Бах, не в пример писателю А. Исабаху, был человеком религиозным и иногда писал музыку.

Я никогда не верил в бога, не писал музыки, не держал в руках абсолютной и дифференциальной земельной ренты. Я даже плохо знаю, что это такое.

Давайте неудержимым полновесным смехом смеяться над этой патологической страстью — хватать все равно что: египетские пирамиды, лишнюю пару брюк, так лишнюю пару брюк, вторую жену, так вторую жену. Давайте постараемся забыть о том, что человек произошел от обезьяны.

ИЗ ПРОШЛОГО

Эпиграммы 1960 года

ЗАВЕЩАНИЕ СЦЕНАРИСТА И на ранней могиле моей начертайте одно: «Он писал для кино...»

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК Не видел я лиц И речей не слышал людоедских, Таких, как на сцене Добрых писателей детских.

ДОМ ТВОРЧЕСТВА Тше... Тше... Тше... Тше... Где-то Кто-то Что-то Пишет...

ОДНОМУ ПОУЧУ Всегда в веде получат он привык Лавровый венек за дубовый язык.

и страстная любовь к экзотическим фруктам: В мильный дом твой добрым часом Постучал я с ананасом. Чтоб не встретил брат мой косо, Не приду я без кокоса...

Доброго пути, друг, друг! Виктор БОКОВОЙ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Словоцентризм» «О наших стариках» «Отодвинуть старость» «Метод доктора Обельничного» «Больной ждал диагноза...» и др.

Так назывались статьи о проблемах здравоохранения, опубликованные в «Литературной газете» двадцать лет назад, в 1959 году.

Как известно, в связи с полной ликвидацией тяжелых недугов и легких недомоганий, функции Министерства здравоохранения передаются спортивным обществам. Как сообщают нам бывший инспектор министерства, по этой причине не ответы на вопросы, поднятые в упомянутых статьях, даны не будут.

К ЧЕРТУ РОПОТ!

ИЗ ТЕЛЕМОТОКННОПОЭМЫ

Земля! Я работ. Люди! Я работ. Велик мой ум и жизненный опыт. Крепче железа и громче меди я. В меня заложена энциклопедия. Читатели! К черту ропот! Я работ.

ПЕСНЯ РОБОТОВ

Пифагоровы штаны во все стороны равны! Ай-люли! Ай-люли! Во все стороны равны! Робот ТОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ

Для детей младшего возраста

Сделай ГАМ Каждый легко может изобрести миксатор и в синхрофазотроне для домашнего пользования. Берется обыкновенное атомное ядро и сахарные шипцы. Расщепив атом, вы берете граненый стакан и наливаете возможно более тяжелую воду. С тяжелой водой следует обращаться крайне осторожно и только в присутствии родителей, на что в свое время указывал А. С. Пушкин («Боюсь: тяжелая вода мне не надела б вреда»). Таким образом:

Отсюда вытекает 2x2=4. С готовым синхрофазотроном можно проделывать множество всевозможных и поучительных опытов. Многолетно-корреспондент Базиль ЗНАХАРЧЕНКО

НОВЫЕ ЧАСТУШКИ

Физик мой покой смутял, Мое сердце расценил. Я пришла к нему, а он Равнодушен, как нейтрон.

Наш сосед — заврайгородой. Он поспорил с женой, Значит, снова на полдню Будет дождик проливной.

Кто мой поехал в Штаты, Опыт свой передавать. Оклахомские девчаты, Не посмейте отбивать!

Платеж модного фасону Тороплюсь скорее спешить, Я по телетелефону Буду с милым говорить.

Далеко планета Марс, Что бы ей приблизиться? Там залетка мой сейчас, С ним хочу увидеться.

Разлободила я Семена, Стыдно мне его любить: Позитрона от протона Не умеет отличить.

Купил тятка вертолет, Мне кататься не дает, Опасается, что я Налечу на воробья.

— Без тебя мне жизни нету, Мужем стать хочу твоим — Подпишись на «Литгазету», А потом поговорим.

ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБКИ

По недосмотру отдела фельетонов в номерной «Литературной газете» вошла страница из номера за 1980 год. Факты, изложенные в ней, полностью не подтвердились. Редакция приносит читателям свои извинения. Виновые соотрудники — Валентин БЕРЕСТОВ, Никита БОГОСЛОВСКИЙ, Егор ГОРХОВ, Эдуард КОДКОВСКИЙ, Леонид ЛИХОВИЦКИЙ, Зинаида ПАТЕРНЫЙ, Никита РАЗГОВОРОВ, Александр РАСКИН, Станислав РАСАДИН, Всеволод РЕШНИК, Бенедикт САРНОВ, Михаил ТРАХМАН — привлечены к дальнейшей работе в области сатиры и юмора.

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет 5 января 1980 г.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОХУН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Мировая гармония

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Век на сцене

На днях литературная общественность Москвы отмечала славную дату — столетие литературной деятельности наших маститых драматургов братьев Тур. Празднование юбилей проходило в два тура (в первом туре чествовался первый Тур, во втором — второй).

Открывая вечер, всемирно известный путешественник Тур Хейердал сказал:

— Все люди братья, но не все братья Тур. Исследования на острове Пасхи доказали это со всей очевидностью.

Дальнейшую часть речи оратор посвятил развитию этой мысли. В заключение он заявил:

— Наши юбилеры связаны так же крепко, как бревна моего плота «Кон-Тики». Поэтому я приветствую решение Всемирного юбилейного комитета при Московском отделении Союза писателей РСФСР, постановившего отметить 50-летие творческой деятельности каждого из братьев как столетий юбилей их совместной деятельности.

После этого был зачитан прочувствованный адрес:

«Дорогие бр. Тур!

Вы родились в начале века в бедной семье, которую вы впоследствии сделали зажиточной. Успешно начав учебу в средней школе, вы и в дальнейшем много работали над собой. Углубленное творческое изучение четырех действий арифметики помогло вам впоследствии создать пьесу «Софья Ковалевская» в стольких же действиях. В 30-х годах было поставлено тридцать ваших первых пьес, в дальнейшем ваша производительность неуклонно возрастала, и теперь вы уже работаете в счет XXI века».

Юбилеры с интересом выслушали свою биографию.

Делегация художественной самодельности Братской ГЭС вручила братьям скромные подарки — два турбогенератора мощностью в пятьсот тысяч.

Юбилеров приветствовали туристы и интуристы. Далее была оглашена телеграмма из Франции, в которой сообщалось, что в связи с юбилеем город Тур переименован в город Тур.

Выступая с ответным словом, бр. Тур сказали:

— С первых лет нашей сознательной жизни мы без остатка отдавали друг друга театру. А если иногда оставался и был, мы тут же его отдавали на телевидение.

В конце вечера были поставлены отрывки из пьес «Принцесса Турандот», «Братья-разбойники», «Братья Ершовы».

Общественность отклонила настойчивые призывания Л. Шелкина на третий тур чествования.

ЗА ЧТО?

В «Литературной газете» от 25 декабря 1979 года помещена рецензия на мой роман «Она и мир».

Эта рецензия — ничем не прикрытая попытка облыжно расхвалить мою книгу, вслуживая объявить ее моей удачей. Автор огульно пишет о моих героях как о ярких и выразительных. Язык романа, художественный и легковесный, он называет сочным и полновесным. Он пишет, что моя книга читается легко, а то время как даже мои родные, живущие на моем жидовище, не смогли дочитать ее до конца.

В заключительной рецензии автор настолько распоясался, что заявил, будто бы я нахожусь в состоянии творческого расцвета. Такое заявление я не могу оставить безнаказанным. Видимо, рецензент забыл, что сейчас не 1960 год, когда для некоторых литераторов похвала была дороже истины, а кое-кто даже сам организовывал на себя рецензии.

Я требую, чтобы Ваша газета пересмотрела восторженную оценку моего романа. Посылаю несколько писем читателей, возмущенных низким уровнем моего произведения. Положительные письма не шлю, так как считаю их неэтичными, неубедительными. Прилагаю перечень моих языковых лягушек, композиционных просчетов, грамматических ошибок и идейных промахов.

В случае, если газета не откажется от той похвалы, которой она обляла меня с ног до головы, от тех комплиментов, которыми она меня обляла, — возбуждаю дело о клевете.

С возмущением А. ПРАВДИН-МАТИН

ВСТРЕЧИ И РЕЧИ

АНТОНИЙ КАПРОНОВ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

В тундрах Амазонии Фото автора

Недавно мне довелось побывать с делегацией на Луне. Луна — это планета контрастов. С одной стороны — блестящие на Солнце раскопанные стройные кратеры, с другой — черные впадины, мрачные провалы, полуразвалившиеся лачуги ветхих горных цепей.

Когда я находился в районе моря Спокойствия, мной вдруг овладел беспокойство, тоска по Земле, и я громко запел свою любимую песню «Расцветла сирень-чермуха в саду». Гудкое ахо многократно не повторило за мной пленительную мелодию, так как на Луне случайно не оказалось должной атмосферы.

Когда меня по возвращении на Землю спросили, что мне больше всего понравилось на Луне, я убежденно и твердо ответил: — Лунатики! Гостеприимные и простые труженики, крепко пожимавшие мне руку при встречах, а особенно при расставаниях!